

Камчибек уулу Эрнест

**ТОБОКЕЛДИКТИ ИЗИЛДӨӨНҮН МЕТОДОЛОГИЯЛЫК
НЕГИЗДЕРИ СОЦИОЛОГИЯЛЫК КАТЕГОРИЯ КАТАРЫ**

Камчибек уулу Эрнест

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РИСКА КАК
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ**

Kamchibek Uulu Ernest

**METHODOLOGICAL BASIS OF THE STUDY OF RISK AS A SOCIOLOGICAL
CATEGORY**

Аннотация: Макалада тобокелдикке негизги методологиялык көз караш тартууралуу ой пикирлер айтылган. Ошондой эле социалдык тобокелдик жөнүндө түшүнүк берилет. Өзгөчө назар тобокелдиктин негизги концепцияларына анализдөөгө, «тобокелдик» түшүнүктүн пайдалуусуна, ошондой эле изилдөөнүн тармагына жараша тобокелдик жөнүндө түшүнүк берилет.

Негизги сөздөр: тобокелдик, социологиялык категория, методология, рискология, тобокелдик коом.

Аннотация: В статье рассматриваются основные методологические подходы к риску. Так же дается определение социального риска. Особое внимание уделяется анализу основных концепций риска, происхождению понятия «риск», а также разнообразию определений риска в зависимости от изучаемой области. Из методологических ориентаций У. Бека следует, что риски не уходят корнями в прошлое. Они, скорее, связаны с опасностями настоящего и будущего. В статье рассматриваются методологические подходы Н. Лумана, Э. Гидденса и др.

Ключевые слова: риск, социологическая категория, методология, рискология, общество риска.

Annotation: The article considers the basic methodological approaches to risk. Also defines the social risk. Special attention is paid to the analysis of the basic concepts of risk, the origin of the concept of "risk" as well as the variety of definitions of risk depending on the study area. From the methodological orientation of Beck's, it follows that the risks are not rooted in the past. Rather, they are associated with the dangers present and the future. Also considered methodological approaches N. Luhmann, A. Giddens etc.

Key words: risk, sociological category, methodology, riskology, risk society.

Одну из основных ролей в актуализации исследования проблемы риска сыграли процессы стремительного научно-технического развития, которое чрезвычайно расширило человеческие возможности, но вместе с тем повлекло за собой целый ряд негативных последствий, которые создают угрозу природе и самому человеческому существованию. Исследование различных проблем риска имеет довольно длительную историю. Особый вклад внесли такие ученые как У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс и др.

Одним из направлений социологического знания стало развитие социологии риска. Социологическая рискология формировалась как широкое научное движение, ориентированное на познание специфики современного общества, его системного строения и функционирования, пространственно-временной динамики. В этом движении можно выделить три проблемных узла: исследования природы риска в современном обществе в контексте оценки его социальных функций; особенности распределения риска в социальных сферах и в социальных группах; проблемы социокультурной интерпретации риска.

О. Н. Яницким, выделяет два базовых направления понимания риска в западной рискологии. Первое он называет реалистическим. В его рамках риск интерпретируется в научных и технических терминах. В этом случае риск определяется как «продукт вероятности возникновения опасности и серьезности ее последствий». Риск рассматривается лишь в теоретически плане. Второе направление обозначил как социокультурное. Здесь риск рассматривается в качестве социального конструкта, укорененного в культуре, социальных отношениях и институтах общества. В рамках этого направления одни ученые рассматривают риск и в качестве «объективно существующей опасности», опосредуемой социальным и культурным контекстом. Другие утверждают, что риск, в отличие от опасности, - социальный конструкт, продукт исторически и культурно обусловленной интерпретации [1].

В своей статье «Понятие риска» Н.Луман отмечает, что о риске сегодня говорят специалисты самых разных дисциплин. Культур антропологи, социальные антропологи и представители других социальных наук сходятся в том, что оценка риска и готовность принять риск – это проблема не только ментальная, но прежде всего социальная.

Н. Луман считает, что древние культуры не нуждались в слове, обозначающим то, что сегодня мы понимаем под риском, хотя очевидно, что с незапамятных времен людям приходилось иметь дело с неуверенностью относительно будущего. Однако в тех условиях главным методом решения этой проблемы оставалась практика девиации. По его мнению, о риске стали говорить только в период длительного перехода от средневековья к ранней современности[2].

Социологическую теорию риска Н. Луман напрямую связывал с критикой рациональности современного общества. Социология должна поставить вопрос о том, «как общество объясняет и выправляет отклонение от нормы, неудачу или непредвиденную случайность. Эта темная сторона жизни, этот груз разочарования, когда ожидания ни к чему не приводят, должны стать более очевидными, чем сильнее наша надежда на нормальный ход событий». И далее: «Объяснение нарушения не может быть оставлено на волю случая: необходимо показать, что это нарушение имеет свой собственный порядок, так сказать вторичную нормальность. Дело заключается скорее в том, что мы можем познать нормальные процессы нашего общества, изучая, как общество пытается осмыслить свои неудачи в форме риска». Луман предлагает подойти к понятию риска через понятие порога бедствия. Результаты подсчета риска можно принимать, если вообще можно, лишь не переступая порог, за которым риск мог бы трактоваться как бедствие. Причем необходимо принимать в расчет, что порог бедствия будет расположен на самых разных уровнях, в зависимости от характера вовлеченности в риск: в качестве субъекта принятия решения или в качестве объекта, вынужденного выполнять рисковые решения. Восприятие риска и его «принятие» являются не психологическими, а социальными проблемами: человек поступает в соответствии с ожиданиями, предъявляемыми к нему его постоянной референтной группой. В современном обществе на первый план выдвигаются вопросы о том, кто принимает решения, и должен или нет (и в каком материальном и временном контексте) риск приниматься в расчет. Таким образом, к дискуссии о восприятии риска и его оценке добавляется проблема выбора рисков, которая контролируется социальными факторами. Социология получает новую возможность выполнять свою традиционную функцию предупреждения общества. Даже если социолог знает, что риски выбираются, то почему и как он сам это делает? «При достаточной теоретической рефлексии, мы должны признать, по меньшей мере, «аутологический» компонент, который всегда вклинивается, когда наблюдатели наблюдают наблюдателей... Из всех наблюдателей социология должна первой осознать этот факт. Но и другие делают то же самое. То, что выходит за пределы этих действий, это теория выбора всех социальных операций, включая наблюдение за этими операциями, и даже включая структуры, определяющие эти операции. Для социологии тема риска должна быть, следовательно,

подчинена теории современного общества. Но такой теории нет... Нет и определения риска, которое могло бы удовлетворить научным требованиям...»[3].

Н. Луман предлагает подойти к понятию риска через понятие порога бедствия. Результаты подсчета риска можно принимать, если вообще можно, лишь не переступая порог, за которым риск мог бы трактоваться как бедствие. Причем необходимо принимать в расчет, что порог бедствия будет расположен на самых разных уровнях, в зависимости от характера вовлеченности в риск: в качестве субъекта принятия решения или в качестве объекта, вынужденного выполнять рискованные решения. Восприятие риска и его «принятие» являются не психологическими, а социальными проблемами: человек поступает в соответствии с ожиданиями, предъявляемыми к нему его постоянной референтной группой. В современном обществе на первый план выдвигаются вопросы о том, кто принимает решения, и должен или нет (и в каком материальном и временном контексте) риск приниматься в расчет. Таким образом, к дискуссии о восприятии риска и его оценке добавляется проблема выбора рисков, которая контролируется социальными факторами.

Н. Луман придерживается точки зрения, что «современное общество — это продукт не только осознания последствий научных и технологических достижений. Его семена содержатся в расширении исследовательских возможностей и самого знания».

Определение понятия риска зависит от наблюдателя: что для одного является риском, для другого — опасность. Риск, по Н. Луману, относится к сфере субъекта, активно относящегося к миру и принимающего решения. Опасность же является продуктом среды и относится к объекту.

Н. Луман не предлагает законченной концепции «общества риска» и не становится на позицию его критика. Его исследования направлены на выявление «точек роста» рисков в социальных и политических основах современного общества и на поиск путей возвращения к утраченному им состоянию «нормальности» [4]. В рамках социокультурного подхода исследователи поставили вопрос о природе риска и его соотношении с опасностью, о его месте в жизни современного общества и о теоретико-методологических основаниях исследования риска. Э. Гидденс, как отмечает О.Н. Яницкий, анализируя процессы модернизации и ее переход в более высокую (рефлексивную) стадию, «не уделял, как Луман, столь пристального внимания эпистемологии риска».

Э. Гидденс видел специфику обществ рефлексивного модерна в особом статусе риска. Этот статус состоит не просто в увеличении рисков, а, прежде всего, в том, что мышление в понятиях риска и его оценки превратилось в свойство и экспертного, и массового сознания[5]. Общество осознает себя в категориях риска, неуверенности и необходимости выбора. При этом рисками чревата любая ситуация — бездействие также рискованно, как и инновационное действие. Э. Гидденс отмечает, что риски — продукт деятельности человека, а не внешней угрозы. Риски порождаются институтами общества рефлексивного модерна: «мы живем в мире, где опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, которые приходят к нам извне»[6].

Анализируя собственно механику производства рисков, Э. Гидденс подчеркивал, что современный мир структурируется главным образом рисками, созданными человеком. Эти риски имеют ряд отличительных признаков. Во-первых, современные риски обусловлены глобализацией в смысле их «дальнодействия» (ядерная война). Во-вторых, глобализация рисков, в свою очередь, является функцией возрастающего числа взаимозависимых событий (например, международного разделения труда). В-третьих, современный мир — это мир «институционализированных сред рисков», например, рынка инвестиций, от состояния которого зависит благополучие миллионов людей. Производство рисков динамично: осведомленность о риске есть риск, поскольку «разрывы» в познавательных процессах не могут быть, как прежде, конвертированы в «надежность» религиозного или магического

знания. В-четвертых, современное общество перенасыщено знаниями о рисках, что уже само по себе является проблемой. В-пятых, Гидденс (так же, как Бек и Луман) указывал на ограниченность экспертного знания как инструмент элиминирования рисков в социетальных системах[7].

Э. Гидденс отмечает, что благодаря процессу технологической трансформации мира, в последние 50 лет произошел переход к самому ориентированному на будущее обществу, которое когда-либо существовало ранее. Одна из более завершенных концепций общества риска принадлежит именно У. Беку. Рассуждения У. Бека базируются на теории модернизации. Он подчеркивает практическую незащищенность человечества перед техногенными угрозами, создаваемыми «вторичной природой», детищем индустриального общества, трактует переход к эпохе риска как объективную историческую закономерность, как результат действия механизмов модернизации. Этот переход осуществляется через первоначальное возникновение риска как «латентного побочного эффекта» к пониманию того, что риск составляет сущность современного общества[8].

Из методологических ориентаций У. Бека следует, что риски модерна не уходят корнями в прошлое. Они, скорее, связаны с опасностями настоящего и будущего. Социолог, подчеркивая свою приверженность неопределенности, пишет: «Общество риска подразумевает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место - как причина нынешней жизни и деятельности - приходит будущее, т.е. нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное. Когда мы говорим о рисках, мы спорим о чем-то, чего нет, но что могло бы произойти, если сейчас немедленно не переложить руль в противоположном направлении»[9].

Согласно У. Беку, риск — это не исключительный случай, не «последствие» и не «побочный продукт» общественной жизни. Риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества — экономической, политической, социальной. «Общество риска» – это фактически новая парадигма общественного развития. Ее суть состоит в том, что господствовавшая в индустриальном обществе «позитивная» логика общественного производства, заключавшаяся в накоплении и распределении богатства, все более перекрывается (вытесняется) «негативной» логикой производства и распространения рисков. В конечном счете расширяющееся производство рисков подрывает сам принцип рыночного хозяйства и частной собственности, поскольку систематически обесценивается и экспроприруется (превращается в отходы, загрязняется, омертвляется и т. д.) произведенное общественное богатство. Расширяющееся производство рисков угрожает также фундаментальным основам рационального поведения общества и индивида – науке и демократии. Не менее важно, что одни страны, общности или социальные группы, согласно данной теории, только извлекают прибыль из производства рисков и пользуются производимыми благами, другие же подвергаются воздействию рисков.

Однако, замечает Бек, производство рисков весьма «демократично»: оно порождает эффект бумеранга, в конечном счете настигая и поражая тех, кто наживался на производстве рисков или же считал себя застрахованным от них. Отсюда другой вывод: производство рисков – мощный фактор изменения социальной структуры общества, перестройки его по критерию степени подверженности рискам. Это, в свою очередь, означает, что в обществе складывается новая расстановка политических сил, в основе которой лежит борьба за определение, что рискогенно (опасно), а что нет. Следовательно, «политический потенциал общества риска должен быть проанализирован социологической теорией в терминах производства и распространения знаний о рисках». И далее Бек делает вывод, имеющий непосредственное отношение к экологической политике: «Социально осознанный риск политически взрывоопасен: то, что до сих пор рассматривалось, как неполитическое, становится политическим»[10].

Риски, как и благосостояние, распределяются по социальному принципу: они становятся, прежде всего, уделом малоимущих. У. Бек пишет: «История распределения рисков показывает, что риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредотачиваются в верхних слоях, риски в низших. По всей видимости, риски не упраздняют, а усиливают классовое общество. К дефициту снабжения добавляется чувство неуверенности и избыток опасностей»[11].

Эта тенденция, считает У. Бек, прослеживается и среди стран. Рисков чаще и больше встречается в менее развитых странах. Там чаще случаются технологические катастрофы. Более развитые страны могут даже получать экономическую выгоду от глобального увеличения рисков, разрабатывая технические новинки, минимизирующие риски, оказывая помощь специалистами по преодолению последствий катастроф. Однако замечает социолог, риски модернизации рано или поздно затрагивают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. «Им присущ эффект бумеранга, взрывающий схему классового построения общества. Богатые и могущественные от них тоже не защищены» Социальные группы, которые в процессе модернизации извлекают выгоду из производства рисков - прежде всего, техногенных, на первых порах могли снизить для себя экологические риски, используя «приватные» пути или компенсации ущерба. Благодаря материальным благам и ресурсам они могут позволить себе экологически чистые продукты питания и проживание в районах, удаленных от вредных производств и т.п. Однако, замечает У. Бек, «нужда иерархична, смог демократичен», и в условиях глобальности рискогенных факторов укрыться от них не может практически никто. Следовательно, классовое расслоение общества, сохраняя значимость на одних уровнях социальной организации, утрачивает смысл в отношении рисков. Здесь речь идет о единстве общества перед ними: «модернизационные опасности раньше или позже приводят к единству преступника и жертвы». Еще одним следствием «эффекта бумеранга» у Бека является социальное и экономическое отчуждение, связанное с обесцениванием территорий, ресурсов, деятельности в связи с подверженностью модернизационным рискам. Так, сельскохозяйственные и лесные угодья, жилые зоны и т.д. теряют ценность из-за близости к промышленным предприятиям и транспортным магистралям, сельскохозяйственная продукция - из-за удобрений и пестицидов при ее выращивании, рыбы прибрежных зон утрачивают ценность из-за загрязнения вод. Становятся менее доходными и эффективными профессии и виды деятельности, связанные с сельским хозяйством, рыболовством и др. Как подчеркивает У. Бек, «все, что угрожает жизни на этой земле, угрожает тем самым интересам собственности тех, кто живет торговлей и превращением в товар продуктов питания и самой жизни. Таким образом, возникает глубокое, систематически обостряющееся противоречие между желанием получать прибыль и интересами собственности, которые двигают процесс индустриализации, с одной стороны, и многообразными грозными последствиями этого процесса, наносящими ущерб прибыли и собственности, с другой»[12]. Так же общество риска У. Бека связано с процессом «субполитизации» как распространения политического на сферы и социальные силы, которые ранее находились вне политики: экономику и производство, науку, экологию и т.д. В обществе риска происходит расширение сферы политического, последствия которого противоречат сложившимся представлениям о демократии, правах человека, легитимном политическом строе. Вследствие этого процесс субполитизации порождает свои риски, состоящие в проблемах принятия политических решений на основе плюрализма знания, утверждаемого экспертными сообществами. В целом, обусловленное неизбежностью рисков чувство неуверенности и страха становится, с точки зрения У. Бека, новым фактором образования и поддержания социального порядка, основанного на расширении сферы политического через делегирование ей проблемы интерпретации рисков[13].

В развитой У. Беком концепции риск в социологическом смысле есть систематическое взаимодействие общества «с угрозами и опасностями, инициируемыми и производимыми

процессом модернизации как таковым. В отличие от опасностей прошлых эпох риски суть последствия, связанные с угрожающей мощью модернизации и порождаемыми ею глобальной нестабильностью и неопределенностью... В обществе риска неизведанные и неожиданные последствия приобретают характер господствующей силы».

В заключении хотелось бы отметить, что теории У. Бека, Э. Гидденса и Н. Лумана имеют значение в создании, по существу, принципиально новых методологических подходов для исследования риска как социологической категории, вносят существенные изменения, как в функционирование структур, так и в деятельность людей, которые обретают все большие возможности для воздействия на свою жизнь, ее содержание.

Литература:

1. Яницкий О. Н. Социология риска. М.: LVS, 2003.
2. Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Риск как имманентная черта формирования идентичности в условиях глобализирующегося общества: <http://credonew.ru/content/view/836/4416.05.10>
3. Н.Луман. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. – С.141
4. Яницкий О. Н. Социология риска. М.: LVS, 2003.- С. 15.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994.- С. 119
6. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.- С. 50
7. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994.- С. 119
8. Мозговая А. В. Риск как социологическая категория// Социология: 4М. 2006. №22. - С. 5-18
9. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. - С. 175-176
10. У.Бек. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. – С.24.
11. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. - С. 40-41
12. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.- С. 46.
13. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.- С. 59-61

Рецензент: к.ф.н., доцент Алымкулов З.А.
